

Содержание:

Андрей Бѣлый: Кайруан.	1
Вѣра Лурье: Стихотворенія.	20
Е. Лазарев: Из воспоминаній.	21
П. Сорокин: Еще раз о моральном состояніи Россіи (отвѣт Е. Д. Русковой).	82
В. В. Сухомлин: Старая и новая Россія (по поводу отвѣта П. Сорокина).	40
Марк Слоним: Прошлое и настоящее фашизма.	49
Вл. Войтинскій: Родзянко о революціи 1917 г.	62
Русская жизнь: Вѣй: Концы и начала.	69
Иностранная жизнь: Е. Сталинскій: Лозанскій спор. — Новое обостреніе репарационнаго вопроса. — Новая позиція Англіи. — Задачи парижской конференціи. — Америка и Европа. — Поворотъ в политикѣ С. Штатов.	79
Среди книг и журналов: А. Даманская: Нѣмецкая литература в 1922 г. — А. Бахрах: Пляс Иродіады. — Н. М. П. Радлов — Ч. Дикенс.	88
Экономическая жизнь: П. Ганичскій: Очередныя задачи чехословацкой промышленной политики.	94

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1923 Г.
НА ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

„ВОЛЯ РОССІИ“

выходящій 2 раза в мѣсяц (1 и 15 числа)

под редакціей: В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, В. В. Сухомлина.
Издатель Е. Е. Лазарев.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 3 мѣс.	на 1 мѣс.
Чехословакія, Финляндія (в фин. марках)	30	10
Скандинавскія страны в шведских кронах	12	4
Германія, Литва, Польша, Латвія, Австрія, Эстонія	гер. мар. 2700	900
Франція, Бельгія, Турція	франк. 18	6
С. Ш. Сѣверной Америки	дол. 4	1
Англія	швилл. 9	3
Швейцарія	шв. фр. 12	4
Италія	лир 24	8

„Volja Rossii“, Uhelny trh 1, Prague, Tchecoslovaquie.

№ тел. 9802.

A ~~Рос~~ 1-240

ВОЛЯ РОССИИ

II год изд.

№ 1.

15 ЯНВАРЯ

1923 г.

ПРАГА.

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ

PRANA

И КУЛЬТУРЫ

Uhelný trh.

čís. 1.

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МѢСЯЦ ПОД РЕДАКЦІЕЙ :

В. И. Лебедева, М. Л. Слонима и В. В. Сухомлина — Издатель Е. Лазарев.

Кайруан.

46-300.

В дорогѣ.

Свѣжело: туманилось: в раннее утро воскликнул пѣтух: и был вѣтер; озябли мы; показались вагоны вдали кайруанскаго поѣзда. Вот и поѣхали.

Мимо кружились деревни; и — сыпался в окна миндаль розоватыми стаями; в горную скважину прорвалось голубое пятно Средиземнаго моря; и, выскочив, высилась лѣсом гора, гдѣ когда то три года сражался у входа в Тунисскій залив Сципiон Африканскій; с унылой платформы провѣял десяток арабских бурнусов; соломою крытыя крыши приниженных г у р б и, *) прошли, отошли; гребенчатая почва изгладилась: в плоскіе холмики; свѣялся весь живописный ландшафт; и маслянные рощи раз'ялись на кучки друг к другу прижатых деревьев. Равнины, равнины!..

Уже изсыкали пучечки дичающей спаржи в сплошном мало-травіи; вот просіяли повсюду песчанья лысины; издали полосатились пятна палаток, да стадо верблюдов, похожих на страусов, замерло издали; малиновѣли платки бедуинок у поѣзда; станціи зарѣдѣли; развѣялась жизнь побережій; и поѣзд тащился по желтой равнинѣ за Сузами в бурѣ, в невидимой стаѣ вижжащих песчинками д ж и н о в. **) На станціях слышались взвои невидимых

*) Гурби-хижина.

**) Злые духи.

сн

тысяч гien (это вѣтер); и взвѣянный массой песок забурил всѣ окрестности; желтые мути, крутясь, проносились в окнах; и я начинаю понимать теперь пѣсни песков, о которых читал; путешественник наш Елисеѣв, гласит о песках рокового Ерга*): „Слышишь, как запѣли пески“, произнес, словно просыпаясь из... полузабытья Ибн-Салах, — „то пѣсни пустыни, не к добру эти пѣсни. Песок Ерга поет, зовет вѣтер, а с ним прелесть и смерть“.

Что то в этой равнинѣ от русской равнины (Самарской, Саратовской); тѣ же овраги ползут; тѣ же метелочки пляшущих трав; и все тѣ же верблюды; нѣтъ, тѣ всѣ двугорбые.

О, что за вѣтер. Мы ѣдем; пытаюсь открыть дверь вагона наружу; и громкія ярости бури кипучими струями кинулись в дверь; дверь рванулась; мы боремся дружно с распахнутой дверью. пытаюсь захлопнуть: едва удается.

Опять пересадка: вторая.

И — вот.

Из песков намѣчается: мертвенно-желтым пятном Кайруан; и вся даль — изошла минаретами; точно песчанюю кистью прошлись по бурѣющей мути; и муть полосатится, перпендикулярно к равнинѣ, являя глазам абerraцію: плоскость башен; над ними стѣна не видна; только носятся бурые бурые клубы, как воины; на них овоздушенно виснет из воздуха марево.

Перед Кайруанской стѣной.

Остановка: мы лѣзем в отверстіе двери, а бурая буря нас нагло толкает обратно в вагончик; мы — вылѣзли; плащ синій Аси стремительно завивается вверх; всѣ схватились за шапки.

Неподалеку от станціи строечка маленьких домиков; и уж от них отступая затвердѣли желтѣйшія стѣны зубцами, как в нашем Кремлѣ, защищая со всѣх четырех сторон свѣта кипящій народом город, от сѣробурых пригорков, и рытвинок солончаковой равнины — и злой, и сухой; в эти бурые бури, к Сахарѣ (и далѣе, за Сахару) бросает столѣтія нити верблюдов своих Кайруан — в Тимбукту; в тяжелые ящики красных товаров отсюда расхо-

*) Елисеѣв: „В странѣ туарегов“. „По бѣлу свѣту“.

дятся там, за Сахарой, по грязным поселкам, лежащим на Нигерѣ.

Да, Кайруан, точно Кремль, не обросшій домами. Гдѣ пригород? В массѣ песку, средѣ котораго ноги завязли по щиколку, в вѣющей бурой, глаза заѣдающей мути щитами зубчатой стѣны зацѣпились мечи минаретов и башен (квадратных, увѣнчанных куполами), как будто мечи чалмоносных гигантов, грозящих отсюда Сахарѣ; роями едва желтоватых, яичнаго цвѣта и бѣлых, и малых, и очень больших куполов, отовсюду пропертых над стѣнами; кажется: вот размахнутся мечи, подлетят в небеса локти рук, распадется стѣна на ряд плоских, квадратных щитов, приподымутся под куполами чалмами тяжелыя сѣдобровыя головы: полководца Окбы, Ибрагима Второго. И вздрогнет Европа; и новый Медхи опрокинется бурей возставших бурнусов — туда.

Это — прошлое; весь Кайруан грезит прошлым; то было когда то...

Когда то, в седьмом еще вѣкѣ Окба основал Кайруан, как оплот для суннизма; Тунис же отпал в кореджистскую ересь; войска кореджитов пошли: разгромить Кайруан; но калиф из Багдада воскликнул: „Клянусь я Богом: пошлю на них войско, котораго хвост еще будет при мнѣ, как глава его будет вторгаться в их страны“. И тысячи косит война; и Берберія долго кипит ересями; и трибы рождают прославленных іересіархов; и говорит Ен Новеири: „Только что правовѣрные утвердились в Берберіи, как Кайруан должен был быть разрушен...; провидѣніе Божье хранило его; и большая мечеть — удивленіе міру, была уж отстроена“*); Кайруан — центр Суннизма; всѣ прочія области сѣверо-западной Африки гложутся ересью.

В 800 году Ибрагим-бен-Аглеб, завладѣвши страной, из твердынь Кайруана, отдал всю Тунисію в руки калифа Гарун-аль-Рашида; и Аглебиты сломали вѣтвистое дерево опаснѣйшей ереси; но шіит, Абу-Абд — Аллах возглавляет разсѣянный толк бунтарей; и династія Аглебитов низвергнута в Кайруанѣ в десятом столѣтіи; Кайруан — центр шіитства на Западѣ; возникает династія

*) Apud Ibn Khaldonn.

ф а т и м и д о в, завоевывающая Египет и переносящая туда свой престол.

Послѣ Тунисія сотрясается ересями, и вновь возстают к о р е д ж и т ы; в то время священнѣйшій Кайруан насчитывает: сорок восемь роскошнѣйших бань, строй мечетей, базаров, по тысячи крупных быков убивают по праздникам, **) всюду разводят миндаль и лимоны, и фиги; и видим культуру фисташек; но ереси побѣждают, и разграбляется Кайруан; Ель-Моец подавил эту вспышку; но все же Тунис отпадает; Марокко встает своей властью над Сѣверной Африкой (Альмаходской династіей); и Кайруан — умалется; а в Тунисѣ восходят Гафсиды; эмиры Туниса распространяют до XVI ст. власть над городом; в XVI вѣкѣ являются турки; Тунисія (с Кайруаном) есть данница Турціи; беи Тунисіи раззоряют страну; в XVIII вѣкѣ влияние французов растет; они вмѣшиваются в контроль; и Тунисія с Кайруаном — провинція Франціи.

Судьбы Тунисіи очень меня занимали в Радесѣ. Вставал Кайруан, центр Суннизма, сразившій когда то двух гидр (Кореджитство, шитство); шиты не любят его; овладѣвъ его храмами, быстро его покидают, возвысив в Египтѣ Каир (Ель-Кахеру), основанный ими. Но стѣны стариннаго города любят всѣ с у ф и, всѣ д е р в и ш и, всѣ м а р а б у; и прославлена школа высокаго дервишизма — здѣсь именно; тот, кто бывал в Кайруанѣ, тот может не быть даже в Меккѣ.

Вот — он.

Затопорщился крупный куб башни; и скалится краем зубчатой стѣны, — старым, злым; и чернѣет — разъятою пастью ворот, под которыми живѣет дорожка неярких бурнусов сквозь пыль; а на башенном кубѣ неясно намѣчено тонкое удлиненіе взлетающей узкой башенки; на ней — новая башенка (еще уже), и то — минарет (минареты — трех-ярусны). Черная точка окна на нем еле видна; из окна ввечеру тонкогорлый мулла голосит над квадратами желтых и бѣлых домов; между двух минаретов встает полукруг; это — купол.

Да, да. — Из бурѣющей пыли сваялся мираж этих стѣн, — так нам кажется, потому что вокруг — ничего, кромѣ кучечки

**) Loth. Historie de la Tunisie.

(маленькой) европейских домишек (внѣ стѣн); там, за стѣнами, гомон далекій да скрипы араб*), — причитанье пустыни, вой дж и н о в; стѣны, старые купола есть мираж, о котором читал я в Радесѣ (здѣсь часты миражи); дохнет на него жаркій вѣтер, — развѣется он.

Сговоры.

Бѣдный отельчик; убогая комната; за вечерѣло; мы долго себя освѣжали водой от песку, попадавашаго под одежды; туристов нѣтъ вовсе почти: лишь пріѣхали два англичанина с нами, компанія служащих здѣсь офицеров-зуавов, да муж и жена (из Америки), я разговариваю с бойким арабом, просунувшим цвѣток за ухо; то — проводник по прозванію Мужество; он подбивает меня углубиться в Тунисію до Гафсы, там нанять трех верблюдов; и с ним унынуть в глубь пустыни; все это плѣняет меня.

Смотрю в окна: как зло и как желто. Стих вѣтер, пески опустились; и небо — синѣет; и — солнце бросает лучи; но какая ужасная сушь: три уж года здѣсь не было ливней; покапает — снова бездождіе многих недѣль варит почвы; С и р о к к о за жарил здѣсь травы; и сѣла в прошедшем году саранча, обглодавши всѣ листики плантаціи персиков, разводимых за городом; три уже года верблюды жуют здѣсь сухую щетину каких то трав, и — колючек; малиновым свѣтом поднимет рѣсницы закат над семьей куполов; Кайруан славен яркостью красных закатов, коврами, мечетями, кожами, боевыми верблюдами, школою дerviшeй.

С арабом моим, т. е. Мужеством, мы побродили уже у стѣн городской, созерцая два малых отеля, муниципалитет, да казармы; вернулись, не нырнув под воротами в город, в гвалд двадцати тысяч арабов, суданцев, завѣшенных странным л и т а м о м синѣющих туарегов; а европейцев, живущих за городом, двѣсти всего человекъ; среди них — сто зуавов, солдат.

— „Жалко, пріѣхали поздно, в субботу — не в пятницу, а то увидѣли бы вы пляску дервишем в нашей мечети“ — докладывал мнѣ проводник; и роняла ему на лицо розоватая вѣтка цвѣты миндала; эту вѣтку заткнул он за ухо (такой здѣсь обычай).

*) Араба — повозка.

— „Да, да, — не увидите пляски“...

— „Можно ли встрѣтить теперь настоящаго дервиша?“

— „Фокусника — гдѣ угодно: пойдите ка на базар; там их сколько угодно, а настоящаго дервиша, — нѣтъ: вы не встрѣтите“.

— „Так таки нѣтъ?“

— Быть может, за эти два дня я сумѣю для вас разыскать... Есть один, мой знакомый; кой с кѣм потолкую; быть может разыщем его; может быть, он покажет вам ямѣ; он порой соглашается из любезности, — впрочем: за плату“.

Так мы говорили.

Уж вечером мы подошли к окнам: небо, темнѣе, свѣтилось коричневым отсвѣтом сумерок; и угасало зеленою, стекляннѣющей высью; и пурпур раскинул на маленьких тучках свои бархатистые пятна огней; четкій холм Азори врѣзался темным абрисом; черная кралась фигурка по линіи чернаго контура в красени неба; и черная лопасть одежды за ней билась в воздухъ; толпы больших минаретов слагали отчетливый строй, розовѣющій в вечерѣ нѣжными колоритами фламинговых крылій.

В Кайруанѣ.

Облупленный, жженный стоит Кайруан, — не как бѣлый, надменный Тунис, напоминающій блѣднаго мавра в атласном турбанѣ; он — „ветхій деньми“, непокорный, подставившій спину Европѣ, глядящій слезящимся, воспаленным болѣзнями глазом в Сахару, зовущій к себѣ... Не Тунис: Тимбукту, прозирающій озеро Чад, гдѣ еще все кишит бегемотами.

Мы — бѣжим под воротами, влившись в дорожку бурнусов; кругом черно-бѣлая роспись стѣн записали орнаментом; краски Туниса — зеленая, синія, желтая, переплетенныя в цвѣтики изразца; черно-бѣлая шашечки здѣсь (роспись красок): не изразцы; и толпа — черно-бѣлая; в бѣлость бурнусов врываюся черныя пятна губастых, хохочущих лиц: сколько негров, и черными тканями закрываются кайруанскія женщины; а в Тунисѣ онѣ, — и бѣлы, и атласны.

Здѣсь много колонок, которыя перетасили арабы с ближайших развалин; развалины — римскія; римской колонкой обстав-

лены стѣны домовъ, всѣ под'ѣзды, ворота, балконы, мечети, стѣна — безоконна на два этажа; выше — куполъ; межъ нимъ и старѣющимъ надоконнымъ карнизомъ зачѣмъ то — опять коллонада, на выступѣ; и в лавченкѣ; гдѣ дряхлый купецъ утонулъ в кайруанскихъ коврахъ, и в кафѣ, и на дворикѣ, — все это колонночки; болѣе полутысячи ихъ обрамляютъ квадратную площадь внутри Кайруанской мечети Окбы; сто восемьдесятъ мечетей пылятся средь улицъ; колончатые — всѣ.

И наполнена площадь верблюдами; сплющили насъ; всѣ — лежатъ; все — горбы; и грифиныя гордыя морды; кладу на одну свою руку; она — какъ отдернется, какъ вскочитъ на ноги; стадо вскочило; и вотъ голенастыя ноги зашлепали прочь на мозоляхъ; и все потемнѣло отъ пыли; и мы задыхаемся.

Здѣсь верблюды пасутся средь жареныхъ кактусовъ, гдѣ то за городомъ; а вечеромъ ихъ гонятъ назадъ; и горбатыми стаями полнятся улочки; разъ и на насъ набѣжала горбатая стая; поплыли тощайшіе остовы, повернувши лѣниво мѣшки волосатыхъ зобовъ; проходили многія самки; висѣли клоки на протертыхъ бокахъ; пробѣжалъ верблюденокъ, дрыгающій ножками, съ выпрренной мордочкой.

Лавки пестрѣютъ пріятными пятнами тканей; и желтыя туфли повсюду; базары: мы топчемся в толпахъ; и локти ломаютъ: бока, грудь и спину.

Базары давно превратились в Стамбулъ — в плохіе пассажи; в нихъ Запада нѣтъ, и Востокъ — выдыхается; черный Каиръ переполненъ базарами; но не ищите в Каирѣ Египта; сирійскій бурнусъ, ткань кашмара, кавказскій кинжалъ, испагонская ваза, божекъ изъ Китая, одесская сигаретка, — вотъ то, что васъ встрѣтитъ; в Іерусалимѣ базары пестры; но в издѣліяхъ нѣтъ благородства: Дамаскъ посылаетъ товары свои; грубоваты они; в Кайруанѣ базаръ — кайруанскій; здѣсь — множество именно мѣстныхъ издѣлій; и оттого протолкались мы долго средь глянцева, курильницъ, шелковъ и шерстей; великолѣпны ковры Кайруана (ручная работа); ткачи обучаютъ особой традиціи выпрядать стиль орнамента и упражняютъ ихъ вкусъ, заставляя рисунокъ мѣнять; и выдумывать — видоизмѣненія основнаго мотива; ковры поставляются для Туниса и для Парижа.

Здѣсь — священнѣйшій центръ: много дервишей обучаемыхъ опыту испытаній къ тайному знанію; всѣ они умѣютъ глотать пау-

ков, скорпионов, колючки и стекла; и — носят магический жезлик заостренный, с шаровым набалдашником.

Вот — мечеть Трех Ворот; это бѣлая башенка: глазки окон — квадратны и малы; край крыши зубчат; не блестит изразец не проходит лѣпная работа; все — строго.

В Тунисѣ в мечети проникнуть нельзя; в Кайруанѣ же — можно; уже осквернили мечети французы — постоем во время насильственной оккупации; с той поры и раскрылась дверь оскверненных мечетей для р у м и, невѣрных.

Я — был в них: меня поразили онѣ.

Магомет сперва бѣдствовал; он, женившись на очень богатой вдовѣ, погрузился в комфорт медитаций; теперь: появляется перед ним Гавриил; начинается проповѣдь.

Да: магометовы культы слагались комфортом; отсюда: печать позитивности, вкуса к изящному, вещьность и чувственность; фанатизм же искусственен; это трезвый учет государственниками чувства толпы; фанатизм здѣсь орудіе спайки народов; священные войны — подитика, тактика; что извне фанатизм, то внутри этих культов есть красочное эпикурейство; и так же раздвоены души арабов на сухочерствую, фанатичную оболочку (как бѣлый, безцвѣтный бурнус, или бѣлая и слѣпая стѣна) и на ярко разцвѣченное ядро быта (под бѣлым бурнусом — роскошная пестрость шелков; и за бѣлой стѣною: аркады, покрытыя изразцами, цвѣты и фонтаны, и гуріи — жены); здѣсь эзотерика жизни — шутильвыя игры терпимости; а экзотерика — меч фанатизма; араб — переплетеніе жестокости с шутиливою мягкостью.

Тоже в мечетях.

Стоим пред Мечетью Цирюльникова, бѣлаго куба и стѣн, окруженных гробницами; скудно-расплюснутый купол; и — ничего; вот мы входим во дворик; и — хохот веселых колонок; и — гам дѣтвора (здѣсь — начальная школа); и — росписи сводов; и — утонченнѣйшая рѣзьба; внутри зданья мечети гробница цирюльника Магомета; а сверху повѣшены подношенія: яйца страуса, ленты, шелка пестротканых знамен и шары; характерно: святой этот вовсе не мученик: он — культур трэгер, цирюльник, слуга-богачей; и мечеть именуется именем этой профессіи.

Вот — мечеть Саблей: умершій давно

могилой котораго встал этот купол — чудака, сибарит, „барин“; как то его осынила нелѣпная шутка; он сдѣлал огромную саблю и трубку размѣров дубины; и рабочих таскал за ним; анекдоту теперь поклоняются вѣрные; и повисают знамена над... трубкой; навѣрное был марабу замѣчательн; но отступает куда то весь облик его; „анекдот“ выдвигается: трубка и сабля. Мечеть и посвящается Сабль.

И зданіе главной мечети построено здѣсь „анекдотом“; когда полководец Окба увидал, что собака в пустынѣ открыла колодезь, сказал он:

— „Быть городу здѣсь“.

И на мѣстѣ колодца — огромная площадь: двора кайруанской мечети (квадрата); пол тысячи мелких колонн обступили его; так и здѣсь: каламбур полководца родил эту крѣпость с у н н и з м а. Мы входим в мечеть: лѣс колонн; и — опять анекдот: меж стѣною и этой колонкой пролѣтъ невозможно для толстаго; тонкій — пролѣзает; легенда гласит: Кто три раза пройдет меж стѣной и колонкой, — очистится; и лукаво она прибавляет: не так то легко толстяку очищеніе это; и смѣх водворяется — здѣсь во святилищѣ.

.....

Вот, мы, усталые долгим обходом мечетей, безцѣльно забѣгали: в улличках, гдѣ черн о б ѣ л а я пестрядь орнамента (в шапечку) кружит и душит вдоль стѣн и ворот; гулы, грохоты черн о б ѣ л о й толпы, бѣложелтых от пыли бурнусов; гробница: звѣздой, полумѣсяцем, гривистым львом испестрилась стѣна ея; тѣ же цвѣта: бѣлый, черный.

И вот перекресток; открытая дверь — под колонками; на черн о б ѣ л ом коврѣ перед низеньким столиком, в голубой гондурѣ сѣдоватый мужчина сидит; и очки уронил он на кончик мясистаго носа; и — пишет, скосивши на нас любопытный зрачек; послѣдѣляет знак подойти; проводник же мнѣ шепчет:

— „Не бойтесь: нотаріус приглашает взглянуть, как он трудится“.

Робко подходим; сует кончик пальцев, справляется: кто мы, откуда, как наше здоровье, здоровье родителей, что — друзья? Отвѣчаем; потом, указав на сидѣнья (подушки), склоняется в кни-

гу и старой рукою выводит арабские знаки письмен. Отдохнувши немного, выходим на улицу.

Вновь из открытых дверей настоящий галдеж: школа; входим: сидит на цыновке учитель Корана; перед ним, поджав ноги, разсылись мальчата; и хором выкрикивают священные тексты; послушавши, мы удаляемся.

И вечерѣет: выходим из города в пыльные тусклости вновь залетавших песков; пробирается около стѣн одинокій кудесник; он — с жезликом; у него за плечами мѣшок из затянутой кожи; в мѣшкѣ вѣрно кобры; под городом дервиши ловят тѣх кобр, из мѣшка выпуская ручную; она, подманив к себѣ диких товаров, уводит в мѣшок за собою их; дервиш затынет мѣшок; и — попались.

Проходит слѣпец; пред собою он изучает почву огромною палкой:

— „Извѣстный профессор Корана“ — склоняется к нам наше Мужество.

А минареты уже розовѣют: уж вечер.

Аглебиты.

Да, да: Кайруан заглядѣлся в глубь прошлаго; Сиди-Окба проницательно видѣл, когда он воскликнул:

— „Быть городу здѣсь“.

В 800 году здѣсь возвысился бербер; до мозга костей пропитавшійся духом арабства; Гарун-Аль-Рашид поручил ему страны Берберіи; звали же бербера — Ибрагим-бен-Аглеб; бербер этот выплачивал дань калифату; так власть а г л е б и т о в возникла, возвысила город, ввела непокорный Магреб в русла вѣрной культуры; арабы, отдав Кайруан а г л е б и т а м, себѣ создавали друзей; бен-Аглеб вѣрный ставленник, водворяет порядок; однако, — на стражѣ свободы Берберіи он; ослабляет суровости власти и отражает претензіи египтян; поощряет порыв к мореплаванью и способствует просвѣщенію земледѣлія; организует милиціи черных, чтобы ими ослабить сирійскую гвардію; он заводит сношенія с Карлом Великим; и тот посылает послов в Кайруан.

А пріемники этого тактика — пьяницы, чудаки, сибариты, эстеты; они развивают культуру комфорта; подчас оживает

и в них осознаніе прав человѣка; они учреждают особую должность: чиновника-покровителя (покровителя слабых); Абу-Ибрагим, шестой принц аглебитскій, особенно кроток; историк о нем говорит*), что „он шествовал часто ночами средь блеска огней, в окруженіи животных, навьюченныхъ множествомъ денег, которыя он раздавал; посѣщалъ именитыхъ людей, всѣмъ извѣстныхъ наукой и жалостью; понастроилъ огромное множество пышныхъ построекъ...“

С калифами часто теперь нелады; Магомет Зіадет, повелитель, напившись, раз калифу послал свои строчки: „Я — камень, огонь, высѣкающій; и коли хочешь его ты ударить о сталь, то — попробуй. Я — лев, чье рыканье — защита; коль песты, — пролай на меня... я — глубокое море: и коли ты пловец — кинься.“ Но протрезвившись, послал повелитель вдогонку гонца за письмом; и письмо привезли ему; он уничтожил его.

Наиболѣе царственен, жесток до крайности, лик Ибрагима Второго, который дал блескъ Кайруану; был крайне развратен и жаден до крови он; но историки пишут о нем: „Справедливѣйшимъ былъ повелителем...; и суровую жестокостью жалъ богатыхъ и сильныхъ.“

Тип Грознаго.

Так: раз придравшись къ ничтожному поводу, он обезглавил и сына, и братьев; когда ему тайно рождали наложницы, мать Ибрагима брала их къ себѣ; воспитавши 16 из них, их послала къ владыкѣ, сказавши: „Владыко, хочу показать вам рабынь.“ Он, увидѣвши их, воспылал любострастіемъ; къ двум; мать сказала: „Владыко, рабыни то дочери ваши.“ Тогда Ибрагим приказал обезглавить их всѣх палачу, великану.

Владыка изысканный тѣшил свои извращенныя чувства въ гаремѣ из... мальчиков; раз, заподозрѣвши нѣжныя связи межъ ними, их всѣх повелѣлъ он казнить:

— „Повелитель“ — повскликнулъ один — „мы — невинны.“

Но тяжкою палицей, быстро вскочивши съ высокаго трона, виски расмозжил двум из них Ибрагим; прочих — бросил он

*) Эн-Новейра.

в печь; всѣ — зажарились; был он — таков; между тѣм: он всегда говорил:

— „Никому не позволено, да, наносить другим людям какойнибудь вред. Что касается подданных, этой поддержки престола, то пусть повелитель препятствует бѣдных тѣснить; да препятствует он богачам.“

Аглебиты вводили культуру комфорта: науки, искусства цвѣли вокруг них; есть огромная рукопись; муфти рукопись эту хранят и доселѣ; принцесса писала ее золотыми чернилами; тщетно французы пытались ее напечатать; имам не позволил; ему уступили: так культ мусульманскій доселѣ таит в Кайруанѣ источники, нам недоступные; прошлое, нравы и быт Кайруанских владык зарисованы в них. Это прошлое зычно гласит голосами пустыни сквозь морок явленій; и мороком виснут над клубами пыли облупины стѣн и дворцов; и гортанное строгое горло, и ревы верблюдов быют в уши; дохнет жарким вѣтром: и — марево это разсѣется.

Кафе.

Был уже вечер; и синее небо глядѣло в окошки; стук в дверь: это — Мужество, наш проводник, весь закутанный в плащ.

— „Есть.“

— „Что такое?“

— „А помните, — вы говорили про дервиша?“

— „Как же...“

— „Так дервиш есть, есть — настоящій; сегодня сказали навѣрное мнѣ, что он будет в кафе, гдѣ играет он в шашки с арабами; а при нем всегда змѣи: мѣшок свой со змѣями всегда таскает с собою.“

— „Так можно увидѣть его?“

— „Вот за этим то и пришел я.“

Мы, спѣшно накинув одежды, спустились к двери, гдѣ Мужество ждал; полосатый, сѣрбующій плащ был набросан на бѣлый бурнус; и качался на пальцѣ фонарь.

Тускло ватно свѣтил Кайруан, провалившійся в тѣни свои; завывающій вѣтер подкидывал складки бурнуса бѣжавшаго Му-

жества; ясно, громадно алмазы небес упали на плечи бѣжавшаго Мужества; чудилось, будто бѣжим мы по небу; и — выперли стѣны, пообстали; кружились мы в закоулках уснувшего города; там привидѣнные араба сидѣло на корточках (как какая то баба); и тонко, и остро колола нам уши откуда то дудка; и плакали бархатно там барабаны, „там - тамы“*); и вот янтари фонаря озарили изрѣзанный верх зеленѣющей двери кафе.

— „Здѣсь, пожалуйста.“

Входим — и крѣпкіе трески, и псиные писки: и бухнувших гудов, и ухнувших дудок; и лопотаніе арабскаго рта:

— „Джарбаба-рап-арап-парапа-обокрал-шкап-Абраам-Марбаба...“

Ничего не пойму.

Потолок, подпираемый стаями многих колонок огѣвка желтѣющей кости, сутулится дугами ясных, стрѣляющих глянец; вездѣ изразцовые цоколи; а образцовый ковер заплетает орнамент нѣмѣющий змѣй; изошел пѣтухами и птахами пестрых, лиловых огѣвков; кровавыя краски цвѣтов под тюрбанами бѣлых арабов, прижатых к колонкам; помост желт, как лапоть, плетенными шашечками тростниковой циновки; и чашечки: в чашечках фыркает кофе; кофейник хлопочет у печки своей (изразцовой); колѣна приподнятых корточек, рой разноцвѣтных гондур, голосащія лица масляннаго цвѣта, кофейнаго цвѣта; и черные профили негрских голов, и сребреные клинообразных бородок и розовый, крашеный ноготь простертаго в воздухѣ пальца, и маврскій, разорванный рот, выпускающій кольца дыма, и плащ полосатый, как зебрина шкура, и темный колпак капюшона с типичной кирпичною кисточкой, очень угластые локти вон там разставляющих шашки — все вдвинулось в зрѣніе сразу:

— „Что ж, дервиш здѣсь?“

— „Погодите, мосѣ“ — шепчет Мужество мнѣ; и бросает в пространство гортанные крики:

— „Бха-ра-бан, дхар-бабан.“

И несется в отвѣтъ ему:

— „Абра-Кадабра“ — какая то.

— „Здѣсь“ — улыбается Мужество — „в шашки играет.“

*) Названіе барабана.

А многія кучки, прервав разговор, обернулись на нас; пробираемся мимо бурнусов к помосту, покрытому тростником проплетенной циновки; и тащут для нас вдруг откуда то взявшійся столлик; и — стулья; и — гари; и гаркает кто то за сними гарями; „а б р а к а д а б р а“ какая то обсуждается; твердо костяною пальца зацокал в ларец этот старец; и пляшут мимозы за ухом сутулаго, бураго турка; и шар головы той вот бѣлой спины повернулся на нас:

— „Вот он, дервиш — вот: вот.“

Разогнулась спина; и — взлетѣл шар тюрбана; серьезный и стройный красавец прыжком граціозной пантеры залетѣл на помост, чуть сталѣя блистающим мускулом бронзовых ног; желтоватаго цвѣта слоновой, старѣющей кости лицо протянулось из нѣжных своих миндалей и вуалей тюрбана, твердѣя сурово зажатой губой; и отдался небрежный поклон нам; и прищурились длинные, точно миндаль, его очи, стрѣлая в нас свѣтом; глаза — очень черные; твердо прошел прямо в угол, к мѣшку, стал развязывать.

— „Вот какой дервиш.“

— „Скажу я вам: этот почти ассація; вы знаете, кто ассація? Кто полную школу прошел: может ѣсть скорпіонов и рѣзаться как угодно; имѣет он власть; но клянется имаму он власть сохранять для добра.“

Но тут — взвизгнули трубы; летали по струнам крючковые пальцы; и крѣпкіе трески, и псиные писки: и ухнувших гудов, и бухнувших дудок; завѣянный бѣлыми вѣями складок бурнуса, застыл строгій дервиш; и — дернулся, сдернув с себя дорогую повязку; под нею рассыпалась длинная черная прядь с непростриженной острой макушки: на лоб и на плечи; в мѣшкѣ, из мѣшка копошилось что то.

Кто он?

Точно сдавленный давній удар изошел из него: в шумный звук, тайный дар в давній жар непотухнувших умных наук; вот стоит, опадая овальным лицом, столь надменным и нѣжным движеніем голых, оливковых рук поднимает желѣзный свой жезлик; вот кисти повисли, как лиліи; руки бросаются в звуки и ухнувших дудок, и бухнувших гудов; лицо горбоносое, точно камень, которую тайно точили столѣтья; в нем изсѣклось выраженье, ко-

торое вспоминал я в Каирѣ, склоняясь над стеклянною крышкою в булакскомъ музеѣ и видя сухое лицо той кирпично-коричневой муміи, тѣло которой за тысячи лѣтъ называлось фараономъ Рамзесомъ Вторымъ; вотъ ярчайшій алмазъ закипѣлъ изъ зрачка над холоднымъ и сдержаннымъ, самосознательнымъ ликомъ; вотъ — скрючился дервишъ; и — выпрямился, взвивъ, какъ искристый дискъ, блѣдный ликъ и развилъ свои пряди за плечи; подернулись губы змѣиной усмѣшкой; и плечи, и шея его опрокинулись в желтый мѣшокъ; и чернѣя, какъ змѣями, локонами макушки, с откинутой какъ-то ногой и с летящимъ в воздухѣ жезликомъ напоминалъ в своемъ умномъ безуміи онъ ужъ не мумію: фурию.

А изъ отверстія закопошившагося, и живого мѣшка привскочила на воздухъ чернѣйшая палка змѣи, трепыхаясь летающимъ жаломъ; просыпалась на циновочку скользкая кобра; извилистая, льющимъ тѣломъ она пролилась по плетениямъ желтыхъ, какъ лапотъ, циновокъ: отъ насъ в трехъ шагахъ.

— „Никогда не укуситъ; и никого не укуситъ; имѣетъ надъ нею онъ власть отъ имама; онъ шейхомъ религіи въ власть посвященъ; ему отдано слово имамомъ, которое вслухъ, произнести онъ не можетъ“ — шептало мнѣ М у ж е с т в о .

Дервишъ на кобру кидается, дразнится; кобра другая, вторая — закопошилась в мѣшкѣ; но очами, какъ свѣтами, ясно выткается в очи змѣи; жезликъ вертится быстро надъ гадкой головкой, поставленной точно на палкѣ, в которую отвердѣла часть туловища; а другая часть пишетъ восьмерки по желтой цыновкѣ; и цѣлится малая, птичья какая то, злая головка на толстой, расплющенной шеѣ — в колѣно надъ ней заплывавшаго дервиша, какъ головка молоденькаго драчуна пѣтушишки; когда пѣтушишко нацѣлится в гребень такого же, какъ и онъ, пѣтушишки; вдругъ ерзнуло скользкое тѣло сквозь ноги; на пляшущій в шелестахъ шашечекъ гаденькій хвостикъ теперь наступилъ своею голою пяткою онъ; прищемилъ и опять отпустилъ, но взлетѣвшимъ широкимъ листомъ своей плюснутой шеи змѣя молниеносно рванулась къ бурнусу, присѣвшему къ краю помоста; бурнусы в испугѣ отпрянули: забарабанили тары бары „та м - та м а“; и свиснула жалобой злость извизжавшейся дудки; дудящій арабъ, выгнувъ спину, оливковой шеей своей рисовалъ арабески; а кобра опять какъ привспрыгнетъ; и облизнула головкой колѣно плясавшаго дервиша:

- „Но почему беспокойна она?“
- „Да она еще дикая: он, говорят, лишь сегодня поймал ее.“
- „Скоро приручит ее?“
- „Да дней в пять.“

Змѣя, измѣнив направленіе, неожиданно бросилась на араба; но дервиш ее оборвал, наступив голой пяткой на хвостик; и взвившійся в воздухъ злой вопросительный знак черной палки расплюснулся.

Убраны кобры.

Теперь из мѣшка высыпает он желтую кучечку маленьких змѣек; вот ими обсыпался он; точно — в длинных червях, записавших на бѣлом хитонѣ свои крючковатые знаки: и дуги, и петли а л е ф, б э т и ш и н быстро пишутся тѣльцами: и „а л е ф“ прописался уже к подбородку; и силится ш и н прополсти ему за ворот; б э т повисает от носа его, точно дряблый нарост индюка; оборвал он от носа; и пальцами разомкнул пасть, просунувши поперек ея жезлик; подносит к нам; Мужество шепчет:

- „Вот видите: ядовитые зубы не вырваны.“
- „Может быть, предыдущим укусом уже истончен в зубах я д.“
- „Так подумали нѣмцы, недавно здѣсь бывшіе; не повѣрили, спор завязался; купили теленка; заставили кобру его укусить; и теленок издох.“

Представленіе кончено: в тѣму оборвался, как с кучи „та м-та м“; блѣдный дервиш —порыв изошел из него; и слетѣли на грудь распростертыя в воздухъ, темныя руки, откинулась на бок его голова с отвисающей прядью; рука, упавая, медлительно тянется к полу за павшей повязкой.

Таким он зажил в нашей памяти; муміей фараона, Рамзеса Второго; казалось, что вѣтер провѣящих дудок в приборѣ „та м-та м а“ не человѣческим что то ему рассказал языком: о древнѣйших мірах.

О чем ты воешь, вѣтер ночной,
О чем так сѣтуешь безумно?
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумный?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной мукѣ,
И ноешь, и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки.

Блеск глаз кайруанскаго дервиша тихо подернулся давней тоской о мірѣ; глядѣл из вѣков; это — встала прѣкрасная мумія: проговорила; и вновь улеглась в саркофаг.

Морок.

Так Кайруан нам пропѣл свои сказки; стѣною, мечетями, пляскою дервиша, коброю; мы колебались меж Бискрой, Чафсою, Габесом и меж Египтом; Египет взял верх; и мы тронулись к сѣверу, к берегу Средиземнаго моря.

Но мнѣ Кайруан остается вратами в моем воспріятіи Африки; видѣли эги врата, не пройдя под колоннами их; оттого то облупленный город стоит предо мною, как призрак того, что за ним (а за ним — глубь Африки) — злой, пережаренный, дикій запахнутый в дымный бурнус из песков, гоготающих и в ночи, и в дни, и взрывающих в мірѣ сознанія странные хаосы.

Переплетались, проплыв перед взорами мрачные мороки мраморных мавров; под лепетом лавров; и громкіе ропоты в черныя ночи роев негритянских под зданіем бѣлой мечети с развернутым знаменем чернаго міра; бѣлѣйшій бурнус, облекая чернѣйшее тѣло, сплетался в сознаніи в черный и бѣлый орнамент, которым так щедро расписаны крѣпкіе кубы домов, поднимающих башни и кровли над прожелтнем древних облупив, обсвищенных вѣтром.

Мы — вышли на станцію, бросивши взгляд на зубчатая стѣны; топорщилась башня желтѣющим кубом; чернѣли под кубом ворота, гдѣ блѣдно змѣилась дорога неясных бурнусов сквозь клубы крутящейся пыли; стояли мечи минаретов среди приподнявшихся чалм (куполов); и казалось, что вот приподымутся всѣ сѣдобровыя головы к небу; завоют; и — вздрогнет Европа; и — новый Медхи опрокинется бурей бурнусов в ветшающій мір: в мір Европы.

Полѣзли в вагоны; и наглая буря толкала нас в спины; вуаль Аси билась и отвѣвалась по воздуху самовольными змѣями; всѣ мы хватались за шапки; пожал руку Мужеству я; гдѣ то там проходили верблюды; грифинья морды медлительно шлепали там на мозолях; и тощіе остовы, гордо возвысаясь горбами, тащили кѣшки волосатых зобов.

Тихо тронулись в вихри: тусклѣло, дымѣло, бурѣло, визжало; мелькали невнятными пятнами бури на выяснѣ неба;

и послѣ мелькали тяжелые протемни гнавшихся друг за другом песков; и я думал о том, что оазы песка средѣ оазов спаленной щетины колючек — послѣдніе всплески прибоя Сахары — от юга, отсюда; и мысль о Сахарѣ подкравшейся тихо к Туниси, перешагнувшей за цѣпь аванпостов, меня унесла назад, к Гафсѣ, за Гафсу; хотѣлось по пустынному тракту пересѣкать это море песку; но для этого надо отправиться от Мурзука — оазами; и пересѣчь хребет Тиммо, оставивши горы Тибести налѣво, оставив направо плато Ахаггар, гдѣ погибла несчастная экспедиція Флаттера, остановиться в оазѣ Бильма, куда шлют из Судана верблюдов за солью, гдѣ 70.000 верблюдов проходят на юг ежегодно; с оаза Бильмы начинается по увѣренію Фогеля — самое безоѣрадное мѣсто: грозитъ безводная смерть и преддверья Тимтумской пустыни (то южный участок Сахары); тот тракт убѣлен черепами, костями и остовами; и потом пробѣгает уже по пескам зелень: травка Судана.

Описанный тракт раздѣляет пространство, которое занимает обѣм, равный цѣлой Европѣ; восточная часть, называемая Ливійской пустыней, простерта до Нила; пространство же западной части (французской) — Сахель; но огромная часть Сахарійских пустот не песок; то Сериры с Хамдами; говорит вѣрно Рольфс, что Сериры — пустыни пустынь, потому что песок в них отсутствует; это хрящи костяка сахарійской пустыни; хамады же — камни, уступы, разорвины, полныя трещин, являющіе породы гранитов, иль черных песчаников; здѣсь не желтѣет, а мрачно чернѣет пустыня; по заверенію путешественников на закатѣ Хамды пылают, напоминая кровавые уголья.

Но прощай сахарійское пекло, котораго отсвѣты я слабо почувствовал здѣсь, в Кайруанѣ; да, да: не увижу тебя: не увижу Габеса, Гафы, не увижу Ерга, гдѣ качается на горбѣ туарегкопёносец в ли т а м ѣ, с мальтійским крестом на щитѣ, пролетающій в ужасы красных самумов до вод плоскодольной Нигеріи, гдѣ поучал Али-Баба, откуда бѣжали на юг негритянскія толпы; там, далѣе, Конго — в тропическом жарѣ лѣсов; баобаб раздувает там ствол; там лѣниво бредет носорог, на ходу зашипнувши клочечек травы; и приходит в жестокия ярости, внюхавшись в запахи бѣднаго негра: бѣжит на него; с неожиданной прыткостью носом подбросивши в воздух, он с тою же прыткостью, ди-

ко подпрыгнув на толстых обрубках, склоненной, клыкастою мордой и рогом носа, как острым кинжалом, пропорет летящее кубарем в воздухъ тѣло; и ловкій спортсменъ ловит шарик на палочку, так разыгравшись с дѣтьми в бильбоке; в этих конгских лѣсах еще есть до сих пор „бильбоке“ носорога, лоячаго палочкой рога испуганным шариком сжатое тѣло; оттуда когда то по всей африканской землѣ забродил великан, ископаемый предок его, с непомѣрным двурожіем носа: чудовищный а р с и н о т е р і у м, кости котораго были открыты Осборном; таинственный здѣсь обитал м е р и т е р і у м, иль слонорог.

— Ты уходишь, о Африка: тайны свои мнѣ открой; я хочу в Тимбукту, в Діоннею, на озеро Чад, или даже... в Габеш, гдѣ король чернокожих, как мы православный, украшен вѣнцом бѣлыхъ перьевъ и гдѣ золотистыя шкуры прыгучих и злыхъ леопардовъ, слетаютъ с плечей, как плащи.

Призываетъ нас юг, а мы ѣдем на сѣвер.

Из сухихъ безгорій, танцую, проносятся буря мути; и — рвутся; и — рвутся: и — рвутся; и всѣ ушли, крутя горизонтами; ясны пространства сожженной степи.

И пески пропадают; и — пересадка.

Уже пролысѣли, безсилыся чахлыми травами, пятна чуть-чуть зеленѣющихъ солонцовъ, не дымящихъ песками в ослабленной бурѣ; рѣдѣютъ они; больше трав, пересадка, вторая, под Сузами; то Калаа-Спира.

Поѣздъ подали; он — настоящий, с комфортом; заполосатились пятна палатокъ становища бедуиновъ: есть люди; и станціи — чаще; и — первый бѣлѣющий куполокъ м а р а б у; вот деревья, прижатые в кучки, соломою крытыя крыши-приниженныхъ г у р б и: Громбалія.

Почва гребнится; десятокъ бурнусовъ чуть вѣетъ лѣнивыми взмахами складокъ; косматая спаржа; мечети, оливки; уже облѣтѣвшій миндаль (еще нѣсколько дней до того онъ былъ розовымъ облачкомъ: онъ дымился цвѣтами); и пролиловился издали рог — горный рогъ: Джабель-Ресса, гора, показалась: все ближе, все ближе; на мигъ прорвалось среди трещинъ, в пролетѣ, пятно голубое, далекое, Средиземнаго моря; и — пролетѣлъ Гаммам-Лиф. Вот — Радес: онъ стоитъ на холмѣ минаретами: дома мы!

Андрей Бѣлый.